

Александр Романов

Уроки Александра Яшина

Наш музей

Когда слышишь имя Александра Яшина, перед глазами распахивается в зеленой, хвойной необозримости весь Русский Север. Горизонт выплывает ельниками, проселки светятся березами, болота краснеют клюквой. И на тысячи верст по берегам рек и озер — деревни и села, вековые, тепло-денные, осененные красотой большого узорочья. И старинные города, сгрудившиеся у белых соборов и похожие на Никольск, родной для Яшина. Долгими зимами эти огромные пространства до неба завалены снегом, а от Белого моря, от Архангельска, от самого полюса свистят ветра.

Однако с годами в этом первоначальном образе яшинского имени проступили другие черты — мужественности до редкой самоотверженности, озабоченности до глубокой боли. И на это были известные причины. Круто менявшаяся послевоенная жизнь, всяческие перестройки, не только на Севере — во всей России, заставили поэта многое передумать и пересмотреть, обострили его взгляд, углубили перо до самой сути народного бытия. И теперь — и уже навсегда — в имени Александра Яшина — выстраданный, резкий, исцеляющий свет выдающегося таланта, рожденного Севером.

Когда думаешь о его книгах, мысли теснят и торопят друг друга, озаряя сознание сложностью нашего времени. Будто стоишь на высоком угоре, и над тобой не порознь, а в тревожной слитности летят и солнечные облака, и грозные тучи. И душа твоя в этом просторе отзывается то краткой радостью, то долгой горечью, и ты незаметно для себя начинаешь думать о судьбе множества близких и неблизких тебе людей, которых знал или знаешь, а также и о собственной судьбе. В этом строгом раздумье чувствуешь, как в тебе обостряется внутреннее око, называемое совестью, и хочется самому в полную меру сил жить и работать и творить добро.

Когда размышляешь о своеобразии слова Александра Яшина, о стрсе и красках его строки, слышишь народ. Сам народ — не придуманную какую-то ярмарку. Слышишь тороватых, бойких девок и баб, их сердечные признания, жаркую удаль их запевок. Слышишь озабоченных мужиков, их раздумья о жизни, всегда прозрачные и острые, с крепкими гвоздями красных слов. И бывальщины, и сказки, и пересказы, и мудрые наставления — все явлено, как было и как есть. Да не просто явлено со слуха, а отобрано умом и сердцем. Удивительный дар!

Кто не знает, скажем, вот этого знаменитого зачина:

Ты проедешь волок, еще волок да

Еще волок —
Будет город Вологда...
Таких строк у Яшина — россыпи. Александр Яковлевич родился в никольской деревне Будалово, с первого своего шага окунулся в тепло народной речи. Она была для него что младенческая зыбка. А потом — что улица в солнечных лужайках. А затем — что величавый ржаной проселок. Этот проселок впоследствии и вывел талантливого крестьянского сына в советскую литературу, к ее высотам.

Александр Яшин рано и счастливо понял, что именно в глубинах родного языка — и жизнь, и характер, и сама суть народа. А Север, наш благословенный Север — это океан — море речевой поэзии. Черпай — не вычерпашь! И Яшин черпал из него смело и неустанно самобытное богатство.

Разумеется, в годы тридцатые — начало сороковых в здешних краях было немало других талантливых людей, взявшихся за перо. Создавались литературные кружки, объединения, первые писательские союзы. Имена комсомольского поэта Ивана Молчанова, прекрасного сказочника Степана Писахова, отличного прозаика Александра Тарасова, серьезного

исследователя культуры Севера и беллетриста Ивана Евдокимова, умелого быто-писателя, а впоследствии автора исторических повестований Константина Коничева — этот ряд можно продолжить — и поныне окружены читательским уважением. Однако со стихами Яшина в большую советскую литературу ворвались свежие ветры Севера. Север заговорил, заокзал в ней его голосом. Это было уже то широкое признание, которое становится поэтической судьбой.

В понятии «судьба» — не только жизненная предопределенность, предначертанность, предназначенность, но в не меньшей степени и неизвестность предстоящих поворотов пуги. Лишь поверхностный человек может облегченно вздохнуть: раз судьба, значит, дело само пойдет.

Александр Яшин вернулся с Отечественной войны, из-под огненных стен Ленинграда и Сталинграда, победно мобилизованный на такую радость и на такую любовь к жизни, о какой и думать не мог в юности. «Война все наши чувства обострила», — говорил он, и об этом гребели, этим дышали все стихи, принесенные им из окопов. Он вынул книгу за книгой, крупно печатался в журналах. Поэма «Алена Фомина» была удостоена Государственной премии. Александр Яшин стал всеобщим известным поэтом.

Только он (да только ли он!) не сознавал еще, что характерный для той поры подход, вернее подход писателей к жизни сверху, пусть и с благами, но умозрительными поисками положительного героя, желаемых жизненных ситуаций и заранее предопределенных выводов, непременно обернется в скором времени горькими разочарованиями и его, как человека соvestливого резко толкнет в самую глубину народной жизни, чтобы уже оттуда, из жизни, подойти к подлинным художественным открытиям. Но это будет потом.

А пока, в эти послевоенные годы, Север вновь набирается сил, чтобы серьезно и заметно работать в советской литературе. В Архангельске и Вологде забурлили молодые творческие объединения. И Яшин, еще до войны стоявший у истоков этого движения, не мог остаться в стороне — не такой характер, чтобы отстраниться от земляков. Он стал часто приезжать из Москвы, подолгу бывать в Вологде.

Те, кто знали его лично (а круг знакомств у него был огромный), запомнили Александра Яковлевича Яшина навсегда. Представим на миг, что мы никогда не видели фотоснимков Блока, Маяковского, Есенина, Твардовского. Перед нами только их стихи. И все равно мы в своем воображении нарисуем их безошибочно, какими были они в действительности. Поэзия — величайшая подлинность человеческого существа.

То же самое и с Александром Яшиным. «В облике его, как в его стихах, — северная корневая крепость и открытость на людскую чистоту, солнечность. Он был из той зимостойкой крестьянской породы, которую выковали невзгоды, труд и короткие радости. Он являл собою сильного человека, точнее, был таким дарован миру этой сильной работающей породой. Вдобавок к сказанному, Яшин был человеком широких, даже редких знаний, огромной начитанности зоркого понимания людей. Вот эта-то его зоркость иной раз и смущала некоторых, даже отпугивала от него, но что поделаешь — он оставался самим собой.

Мои встречи с Александром Яковлевичем не просто перед глазами, а в живой боли сердца. Только он один умел быть таким проницательным, заботливым, обогранным и обязательным сказанному при встрече своему слову. Я всегда смущался: сколько у него своих забот, до наших ли ему литературных начинаний или каких-то житейских неурядиц. Так нет, не просишь, а все равно — вот тебе сильная, решительная рука на дружбу и помощь. И так со всеми, в ком замечал, как

он выражался, божью искру. Не только повезет в Москву понажившиеся ему стихи и добьется публикации, но может пойти в издательство, чтоб о первой книжке договориться, может ринуться в Союз писателей, в Приемную комиссию, чтоб не провалили там, не отклонили нового автора. Тогда напишет, сюда позвонит, чтоб с жильем помогли, с работой, с учебой. Такого бескорыстия, такой душевной щедрости мне больше видеть, не доводилось.

Вот привычная нам картина. В Вологде проводится очередное областное совещание молодых авторов. Александр Яковлевич уже торопится из Москвы. Встречаем его на вокзале. Поезд еще не остановился, а он уже в открытых дверях вагона — такой выскочек, могучий, заслонивший весь проход, что проводница, стоящая перед ним кажется девочкой-подростком. Он машет через ее голову рукой, улыбается. И первые слова у вагона: «Ну, как жизнь, как стихи?» Брови вскинуты, а в глазах, на тонких губах — чуть лукавая, но такая знакомая добрая усмешка. Всем становится хорошо, все опять вокруг него.

А на совещании Яшин вместе с другими руководителями сидит за столом, орлино вглядывается в зал, где молодые авторы, съехавшиеся из всех вологодских районов, и слуховато, словно простуженно, спрашивает: «Нет ли тут никольских?» Если оказываются, очень доволен, если нет, как бы с укором замечает: «Должны, должны быть». И слушает стихи, рассказы и всякие другие литературные опыты, в которых и жанра-то никакого не нащупаешь. День, другой слушает и не устаёт, и не смотрит, как знаменитый поэт, свысока, снисходительно.

Вот кто мог сквозь косноязычие и всякие словесные огрехи точно уловить талантливый стук молодого сердца. И денег за это никаких не получал, и благами никакими не пользовался. Сегодня это звучит даже как-то странно. Но именно так на протяжении многих лет Александр Яковлевич Яшин закладывал основы нынешней Вологодской писательской организации.

Табуны возле него, мы видели в нем истинного поэта и вовсе не предполагали, что он занимается также прозой. Сам же Яшин об этом ничего не говорил. Лишь теперь, перебирая в памяти те встречи, я вспомнил, как он однажды, ни к кому не обращаясь, а так, про себя, с грустью молвил: «Стихами все-таки трудно чего добиться». Помню, с каким недоумением я взглянул на него: как так? А он сам разве не добился? Теперь-то я понимаю, о чем сокрушался Александр Яковлевич — о конкретной, о практической работе художественного слова в перестройке жизни. Был уже разгромлен партийный культ личности, в стране многое менялось, литература отходила от теории бесконфликтности. Но в то же время крепили в государственных и хозяйственных звеньях признаки волевого руководства. Было о чем подумать...

И вот появляется рассказ Яшина «Рычаги, а затем «Вологодская свадьба». Будто стронулся снег с крыши, вокруг автора — шум, крикливые голоса... Понадобилось полтора-два десятилетия, чтобы жизнь протерла глаза тем, кто упрекал писателя в очернительстве, и они сами увидели теперь, что он все-таки прав. Перечитывая ныне эти горячие страницы, еще раз убеждаешься в зоркости и точности яшинского взгляда на жизнь, на ее болевые точки. И с грустью размышляешь: сколько еще слепоты вокруг произведений и книг, написанных с жаром сердца, с глубоким знанием жизни, для нашего же собственного блага, но вызывающих лишь раздражение у иных ценителей, вот-вот готовых привесить к ним какой-нибудь ярлык. Ужели опять, как с Яшиным, потребуются годы и годы, чтобы узрели они уже ныне очевидные истины?

(Продолжение следует).

У любого края земли русской своя слава, своя красота. Сердцу человека милее всего тот край, где он родился и вырос.

«И давно на родине не был. Много в сердце скопилось тоски. Вьются ласточки в синем небе — Реактивные ястребки.

Дома!
На все гляжу с любовью.
Радостно от птичьих голосов.
Никакие парки Подмосковья
Не заменят мне моих лесов.
Дома!
И сердце бьется с силой.
Мимо, мимо, — за верстой верста...
Что кому,
А для меня Россия —
Эти вот родимые места.»

Искренняя, сыновья любовь к родному краю нашего поэта и писателя Александра Яковлевича Яшина вызывает ответное теплое чувство благодарности.

Никольчане свято чтут память замечательного прозаика и поэта. В районе много мест объявлено заповедными: установлена мемориальная доска на доме в Будалове, где родился А. Яшин; на Бобришном угоре, где похоронен Александр Яковлевич, создан целый мемориал а охотничий домик писателя превращен в музей; в сквере школы-интерната открыт памятник «Яшину от земляков».

После смерти поэта через год в Никольской школе-интернате был открыт мемориальный музей Александра Яковлевича. Супруга покойного Злата Константиновна любовно согласилась передать школе всю обстановку рабочего кабинета писателя с Аэропортовской улицы города Москвы.

В октябре 1974 года постановлением Совета Министров РСФСР Никольской школе-интернату было присвоено имя А. Яшина (Попова). Имя земляка носит и пионерская дружина школы, которая неоднократно получала звание правофланговой в пионерском марше.

Четырнадцатый год школьный музей служит людям. За это время в нем проведены сотни экскурсий, побывали тысячи посетителей.

В комнате-квартире находятся подлинные вещи писателя. Здесь много книг (часть личной библиотеки), некоторые с автографами. Предметы увлечений писателя в свободное время — рыбацкие и охотничьи принадлежности, памятные подарки друзей (штанга и статуэтка Нефертити — подарок Ф. Абрамова, макеты Покровской и Преображенской церквей в Кижях — Ефима Твердова, картины вологодских художников Карбакова и Сергеева и другие).

Простота и скромность быта подчеркивают богатство духовных запросов хозяина. На рабочем столе — портрет любимого писателя Льва Толстого, в папке — рукописи, переписка с редакциями.

Есть в музее магнитофонная лента с последним интервью местным корреспондентам радио, в котором А. Яшин прочитал только что написанный «День творения» и другие стихи.

Точный учет посетителей до этого года в школьном музее не велся. Известно одно, что все, кто здесь побывал, уходили благодарные со свиданием с настоящим человеком, чутким и совестью писателем, уходили, духовно обогащенные.

В музее побывали генерал армии М. Казаков, первый секретарь Вологодского обкома КПСС А. С. Дрыгин, многие поэты и прозаики: В. Солоухин, М. Алигер, Е. Евтушенко, В. Деметьев, В. Астафьев, Н. Рубцов, В. Белов,

А. Романов, И. Полуянов, В. Коротаев, С. Чухин, С. Лесневский, С. Куняев, Ю. Леднев, М. Луговская, Т. Пономарева.

Анатолий Семенович Дрыгин оставил в книге отзывов такую запись: «Начало создания музея А. Яшина — дело очень хорошее. Но музей надо расширять. Память о земляке-поэте надо увековечить еще лучше. Выражаю надежды, что партийная и советская организации помогут школе хорошее начало приумножить. Но лучшей памятью о нашем земляке будет хорошее изучение его произведений. Хорошая работа литературных кружков во всех школах города и района, выращивание из молодежи новых поэтов и прозаиков.

С благодарностью создателям музея А. Дрыгин».

Секретарь Союза писателей РСФСР В. Деметьев в 1980 году написал: «Верю: и сюда не зарастет народная тропа, и здесь сердца людские будут преисполнены любовью и благодарностью к поэту».

В книгах отзывов многих добрых слов в адрес мужественного художника слова, оставившего яркий след своим творчеством в душах земляков и всех почитателей его таланта.

Совет музея провел кропотливую работу по книгам отзывов и собрал некоторые сведения, оформил журнал регистрации экскурсий и посетителей музея. Работа музея с населением и учащимися оживилась и расширилась.

Во всех классах нашей школы, в других школах района шло углубленное изучение биографии и творчества А. Яшина. Проведены конкурсы на лучшего чтеца, иллюстратора сочинений о поэте и его произведениях, проведены читательские конференции.

К 70-летию со дня рождения Александра Яковлевича написана история мемориального музея, готовим новую экспозицию для второго зала, который пока еще из-за отсутствия помещения не подобран.

Крепнет дружба музея с «Яшинской рябинкой» в Вологодском училище связи, руководит которой В. С. Старкова. К 70-летию со дня рождения поэта коллектив школы подготовил литературно-музыкальную композицию «Добро откроется сердцу», иллюстрации учащихся к произведениям А. Яшина. Литературно-музыкальная композиция была показана на районном смотре художественной самодеятельности, с ней ученики побывали у сельских тружеников в Аксентьеве, Копыгине, Мокрецово, Кожаеве, в Теребаевском и Нигинском Домах культуры, транслировались по местному радиовещанию.

На этой композиции мы убедились, как нужна художественная самодеятельность селу. Концерты сельским труженикам представили истинную радость, отдых и вдохновение. Никольчане из уст учащихся и преподавателей больше узнали о Яшине, вызвали глубокий интерес к его творчеству.

В своей дальнейшей работе ставим задачу расширить актив совета музея, включить в работу с населением учащихся всех школ района, начиная с четвертого класса. Есть замысел проникнуть в творческую лабораторию поэта, поддерживать тех воспитанников, которые увлекаются написанием стихов. Опыты учащихся оформляем в альманахе «Родничок».

М. БЕРЕСНЕВА,
старший воспитатель школы-интерната имени А. Яшина,
руководитель совета музея.